

ПОДБОРКА 6

То ли нервы сдают, то ли жизнь убегает вприпрыжку,
с рюкзаком, за плечами и с обувью сменной в мешке,
то ли падают чайки и бьются телами о крышу,
и пыльца пылевая на книжном лежит корешке,

а за окнами свет, и до неба распахнуты пашни,
и кузнечик стрекочет, так, будто живет на разрыв,
то ли это любовь близоруко идёт в рукопашный,
то ли смерть запускает на дно ледяные багры,

всё неясно теперь, потому что размыты границы,
в пограничье живя, не считаешь столбов верстовых,
то ли это беспечность, в которой нельзя повиниться,
то ли детская вера шагнуть и остаться в живых,

в том краю, где волна лижет рыжие лбы колоколен,
и просмолены солнцем насквозь все песчаные швы,
так шагни же скорей, с этой верой смешною до колик
с этой верой подвздошной, истошною верой живых.

Везла ребенка в школу, везла другого в школу,
вела ребенка в садик, вела другого в садик,
в глаза глядела утру без страха и укора,
ушибов не считала, не чувствовала ссадин,

везла в художку дочку, везла в бассейн сына,
тащила младших в школу, где музыки учили,
не помнила, что сухо, не думала, что сыро,
не видела, что грязно, когда должно быть чисто,

себя не предавала, но предавала в руке
Господни дух и тело, когда кончались силы,
учила сына драться, учила дочку гнуться,
и гнулась, и качалась, но чуда не просила,

но чуда не умела, умела щи, да кашу,
умела сны и сказки, и слов тягучий мелос,
и каждый сонный возглас, и стон, и шепот каждый,
и путь нерукотворный, а нежность не умела,

но засыпала в нежность мгновенно и глубоко,
в безвременье, впадая без видимых усилий,
носила сына к Богу, носила дочку к Богу,
а может, это к Богу они меня носили.

Мы шли на свет в крошечной темноте,
Точней, не шли, а падали с разбега.
"Не бойся, я держу!" — кричал отец,
и я вцеплялась в руль велосипеда.

Ворчала в роще первая гроза,
ворочалась и плакала бесслётно.
Ах, велик мой, четыре колеса,
ты в небо падал, ставши двухколесным!

И школьный двор казался мне большим,
и мой отец не мыслился мальчишкой.
С тех пор прошло не главное, но жизнь,
Большая? Да. Безудержная? Слишком.

И если на меня находит жуть,
и я стою во тьме, как изваянье,
я слышу крик: "Не бойся, я держу!"
и я себе упасть не позволяю.

Мне дочь кричит (от страха не дышу),
Мне сын кричит светло и беспрестанно:
"Держи меня!" Не бойтесь, я держу
И никогда держать не перестану.

От наших родителей нам останутся старые письма,
чёрно-белые фото, открытки с девятым Мая,
номера телефонов выученные без запинки,
срезанные плечики, внутренние карманы,

чайный сервиз, мы однажды его достанем,
тронем губами белую гладь фарфора,
словно бы вдруг опять прикоснемся к тайне,
нежной каёмке прошлого разговора.

От наших родителей нам останутся старые вещи,
звёзды с погон, платья из крепдешина,
то, что лежало в шкафу целую вечность,
то, что так и выкинуть не решимся.

От наших родителей нам останутся мысли и чувства,
пятна родимые, солнечные веснушки,
вера, неперенная вера в чудо
всех неперестающих вперед уснувших,

неутолимых, раненных, неодетых,
только от нас, что останется нашим детям,
если мы и себя сохранить не можем?

Не смеялись, не бранились,
не шептались робко,
дети пчёлку хоронили
в спичечной коробке.

Пчёлку - сломленное жало,
усики — косички,
пчёлка в коробке лежала
тонкая, как спичка.

Слёзы таяли и меркли
на земле горячей,
дети были ближе к смерти,
потому что зрячи,

потому что воскресенье
было между ними,
потому что роя землю
небо хоронили.